

УДК 311.2

**Волков Ю.Г., Черноус В.В.,
Сериков А.В., Барков Ф.А.,
Барбашин М.Ю.,
Гвинтовкин А.Н., Садко Д.О.**

**Volkov J.G., Chernous V.V.,
Serikov A.V., Barkov F.A.,
Barbashin M.J.,
Gvintovkin A.N., Sadko D.O.**

**РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТЬ:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЕФОРМ
ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ**

**TWENTY YEARS OF
REFORMS IN RUSSIA: THE
OPINION OF INHABITANTS
OF THE ROSTOV AREA**

В результате социологического исследования весной 2011 г., проведенного ЮРФИС РАН и ИППК ЮФУ, выявлено отношение жителей России к распаду СССР, радикальным реформам 90-х гг. XX в. и политике первого десятилетия XXI в. Исследователи конкретизируют на региональном уровне результаты общероссийского исследования, проведенного Институтом социологии РАН под руководством М.К. Горшкова. Исследование фиксирует нарастание сомнений жителей Ростовской области в социальной справедливости и эффективности реализуемой в России политики.

As a result of sociological research in the spring 2011 g., spent of The South-Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Science and Institute for Retraining and Improving Professional Skills of the Southern Federal University, the relation of inhabitants of Russia to disintegration of the USSR and radical reforms of 90th XX and a policy of the first decade XXI is revealed. Researchers concretize results of the all-Russian research which have been spent by Institute of sociology of the Russian Academy of Science under a management by M.K. Gorshkov at a regional level. Research fixes increase of doubts of inhabitants of the Rostov

Ключевые слова: реформы, социальная структура жизни, либерализация, модернизация, демократизация, кризис, идентичность, глобализация, стабилизация, меж-национальные отношения.

Волков Ю.Г.,
доктор философских наук, профессор,
директор ИППК ЮФУ

Черноус В.В.,
кандидат политических наук, профессор,
заведующий отделом политологии
и политической социологии ЮРФИС РАН

Сериков А.В.,
кандидат социологических наук,
заведующий сектором социологии
конфликта ЮРФИС РАН

Барков Ф.А.,
кандидат социологических наук,
заведующий сектором методологии
эмпирических социологических и
маркетинговых исследований ЮРФИС РАН

Барбашин М.Ю.,
кандидат социологических наук,
заведующий сектором этносоциологии
ЮРФИС РАН

Гвинтовкин А.Н.,
аспирант кафедры социологии,
политологии и права ИППК ЮФУ

Садко Д.О.,
соискатель кафедры социологии,
политологии и права ИППК ЮФУ

*area in social justice and efficiency of
a policy sold in Russia.*

*Key words: reforms, social structure
of life, liberalization, modernization,
democratization, crisis, identity,
globalization, stabilization, intereth-
nic attitudes.*

Volkov J.G.,
Doctor of Philosophy, Professor,
Director of the Institute for Retraining and
Advanced Teaching in Humanities and
Social Sciences of the Southern Federal
University

Chernous V.V.,
Candidate of Political sciences, Professor,
Head of the department of political science
and political sociology of SRB of the ISRAS

Serikov A.V.,
Candidate of Sociological sciences, Head
of the sector of sociology of conflict of SRB
of the ISRAS

Barkov F.A.,
Candidate of Sociological sciences, Head
of the sector of methodology of empirical
sociological and marketing researches of
SRB of the ISRAS

Barbashin M.J.,
Candidate of Sociological sciences, Head
of the sector of ethnic sociology of SRB of
the ISRAS

Gvintovkin A.N.,
the post-graduate student of the depart-
ment of sociology, political science and
right of the Institute for Retraining and Ad-
vanced Teaching in Humanities and Social
Sciences of the Southern Federal Universi-
ty.

Sadko D.O.,
post-graduate student of the department of
sociology, political science and right of the
Institute for Retraining and Advanced
Teaching in Humanities and Social
Sciences of the Southern Federal Universi-
ty

© Волков Ю.Г., Черноус В.В., Сериков А.В.,
Барков Ф.А., Барбашин М.Ю., Гвинтовкин
А.Н., Садко Д.О., 2012 г.

© Volkov J.G., Chernous V.V., Serikov A.V.,
Barkov F.A., Barbashin M.J., Gvintovkin A.N.,
Sadko D.O., 2012

Практически вся история России может быть осмыслена как совокупность попыток-этапов реформирования и модернизации общества под началом государства. В этом ряду можно упомянуть реформы Ивана Грозного, политику Бориса Годунова, царя Алексея Михайловича, реформы Петра I, Александра II, построение социализма через индустриализацию и перестройку этого социализма, предложенную М. Горбачевым [1]. Демократические и рыночные преобразования начала 1990-х гг. ознаменовали собой очередной этап, попытку приведения общественного и государственного строя в соответствие с требованиями времени. С самого начала рыночные преобразования содержали в себе ряд противоречий, определивших их ход, непоследовательность, половинчатость, соотношение социальных издержек и достижений.

В западном мире, являющемся родоначальником самой концепции демократического транзита, социальное и экономическое развитие не рассматривается отдельно от культурного и политического. Ценности рыночной экономики составляют один ряд с ценностями демократии, гражданского общества. Однако сейчас считают, что большинство из этих идеалов дискредитировано в глазах российского общества в результате реформ. Казалось бы, исключительно теоретическая дилемма – чем определяется непоследовательное развитие российского общества и сопутствующие ему перманентные попытки форсировать трансформационный процесс – глубинными архетипами, установками и ценностями российского народа или стечениями обстоятельств, меняющими динамику развития социума. Но ответ на этот вопрос имеет решающее значение для построения и реализации конкретных планов не только модернизации, но и просто развития России.

Особенность современного этапа развития страны заключается в том, что рыночные реформы задумывались, по сути, тоже как модернизационный проект. Однако их высокая социальная цена, непоследовательность в осуществлении, отсутствие ценностного консенсуса в обществе привели к исчерпанию социально-ресурсной базы развития: при общем росте благосостояния в обществе наблюдается целый ряд кризисных явлений – утечка или деградация человеческого и научного потенциала, дисфункциональность большинства социальных институтов, кризисный уровень социального доверия и солидарности.

Масштабное социологическое исследование, проведенное к двадцатилетию реформ Институтом социологии Российской академии наук, представляет собой серьезный научный вклад в дело осмысления движущих факторов, механизмов и последствий рыночных преобразований [2]. Подготовленный институтом аналитический доклад не только подводит социологическую черту под спорами о результатах реформ, но главным образом создает фундаментальную научно-прогностическую базу для по-

следующих преобразований в России, для стратегических государственных решений.

В 2011 г. по инициативе директора ИППК ЮФУ проф. Ю.Г. Волкова силами сотрудников института было проведено сравнительное социологическое исследование «20 лет реформ глазами жителей Ростовской области» по методике, которая использовалась в общероссийском опросе. По многим параметрам Ростовская область повторяет общероссийские тенденции, однако в очередной раз была подтверждена и специфика менталитета жителей Дона. Особенности социальной и этнодемографической структуры, а также доминирующие социокультурные модели предопределяют противоречивость ценностного выбора жителей области, а также значительную роль консервативно-традиционалистской составляющей.

По прошествии 20 лет с момента начала широкомасштабных социально-экономических и политических преобразований, изменивших весь социальный строй нашей страны, в обществе по-прежнему наблюдается отсутствие более или менее консолидированной оценочной позиции по отношению к реформам. По крайней мере, если доверять памяти респондентов, то обнаруживается, что именно в начальный период наше общество разделилось приблизительно на три количественно близких группы: а) сторонников преобразований (37 %); б) противников преобразований (30 %); в) не определившихся со своим отношением (33 %). Данное распределение весьма схоже с общероссийским, за исключением некоторых переменных особенностей.

В актуальном, сегодняшнем отношении к рыночным преобразованиям пропорции, полученные по Ростовской области, также схожи с общероссийскими, за исключением одной позиции: при общем одинаковом количестве противников реформ (43 %) в Ростовской области значительно больше тех, кто высказывается резко против них (26 %, а по России – 17%). Кроме того, по сравнению с ретроспективным отношением мы наблюдаем значительное возрастание общей доли противников реформ (с 30 до 43 %) и уменьшение доли «сомневающихся». Общероссийская тенденция здесь заключается в том, что постепенно растет (по сравнению с 2001 г.) как доля сторонников преобразований, так и доля затрудняющихся с ответом и сокращается доля противников (с 59 до 43 %). Учитывая близость значений по Ростовской области, можно предположить, что общественное мнение в регионе находится в пределах данной тенденции.

С точки зрения кластерных сопоставлений приоритет в нашем анализе был отдан сравнению мнений социальных групп с различным социальным статусом (в их самооценке). В основу были положены различия в ответе на один из подпунктов вопроса «В нашем обществе есть люди, которых можно отнести к «верхам» общества, и люди, которых можно отнести к средним или низшим слоям. Куда бы Вы поместили себя на этой шкале?»

Респондентам предлагалось оценить свой социальный статус в начале реформ, в начале 2000-х гг., в настоящее время, а также желаемый статус. Соответственно, критерием разграничения кластеров являлись ответы на вопрос об актуальном социальном статусе, т.е. достигнутом в настоящее время. При этом респондентам предлагалось оценить свое положение по десятибалльной шкале. Для анализа были выделены четыре когорты:

- а) занимающие наиболее высокое социальное положение, обеспеченные (позиции 1, 2);
- б) условный средний класс (позиции 3 – 5);
- в) т.н. базовый слой (позиции 6 – 8);
- г) наименее статусная группа, малообеспеченные (позиции 9, 10).

Характерной особенностью полученных распределений явилось то, что для большинства социальных когорт характерно весьма схожее отношение к реформам – иными словами, принадлежность к той или иной стратификационной группе сама по себе не определяет отношения к рыночным преобразованиям. Исключением является, пожалуй, только наиболее высокостатусная социальная группа – здесь уровень поддержки реформ однозначно выше и достигает 50 %. Эти данные объясняются тем, что люди, принадлежащие к данной когорте, выиграли от проведения реформ последних 20 лет.

Исходя из распределений ответов на другие вопросы, можно заключить, что для большинства россиян начало рыночных реформ – событие весьма неоднозначное, общественное мнение оценивает реформы совсем не из прагматичных позиций и даже не с идеологических. В общественной оценке скрывается значительная ценностная составляющая, в которой имеется и ностальгия по более справедливому социальному устройству, и по высокому уровню социальной безопасности и защищенности, и по более простым отношениям между людьми. К этим чувствам примешаны и острая боль от утраты Родиной имперского статуса, и понимание необходимости преобразований в период упадка СССР. Материальный успех в пореформенный период отнюдь не является определяющим фактором в отношении к социальным преобразованиям. Более актуальным скорее оказывается классификация социальных оценок исходя из ценностных установок тех или иных групп – и в этом смысле в общественном мнении значительное место занимает традиционалистская составляющая, которая востребована сильным и справедливым государством, органично включенная в большинство общественных процессов.

Как показывают результаты опроса, по базовым позициям жители области солидаризируются с остальными гражданами, однако имеется у них и свой взгляд на ряд вопросов. Четыре главных достижения реформ согласно мнению россиян и жителей области:

- 1) насыщение рынка товарами (52 и 60 % соответственно);

- 2) свобода выезда за рубеж (32 и 36 %);
- 3) прекращение гонений за веру и усиление роли церкви в обществе (24 и 30 %);
- 4) возможность зарабатывать без ограничений (25 и 27 %).

Практически одинаково россияне и жители региона оценивают важность такого достижения реформ, как свобода слова и мысли. Анализируя различия в данных распределениях, следует иметь в виду, что в рамках данного вопроса мы смешиваем ценностную и фактическую составляющую общественного мнения. Связано это с тем, что многие из достижений реформ, точнее их качество, остаются дискуссионными – номинально они могут декларироваться властной и интеллектуальной элитой, а фактически быть достаточно условными. Прежде всего, это касается большинства социально-политических достижений, таких как многопартийность или свобода слова. В этом плане уточняют картину вопросы анкеты, посвященные динамике тех или иных социальных возможностей.

Еще более дифференцированным, на наш взгляд, оказалось распределение ответов на вопросы о наиболее существенных потерях, появившихся в результате реформ. В отличие от России в целом, где самой главной потерей было признано снижение уровня жизни (46 % против 21 по региону), в Ростовской области доминирующими оказались такие варианты ответа, как отсутствие социальной справедливости (53 против 12 % по России) и резкое разделение общества на богатых и бедных (41 % против 25 по стране). С другой стороны, в заметно большей степени россиян волнуют такие негативные последствия реформ, как утрата порядка в стране и распространение коррупции (32 против 25 % по области), падение морали (32 против 17 %), а также развал передовых отраслей промышленности, основанных на науке и технологии (27 против 11 %). Характер распределений показывает, что именно острота социальных противоречий поглощает большую часть общественного внимания в Ростовской области. При этом следует отметить незначительное число опрошенных, которые не видят совершенно никаких потерь, понесенных в результате реформ.

Естественно, есть своя специфика у респондентов Ростовской области, во-первых, это повышенное внимание к человеческим жертвам, понесенным в ходе вооруженных конфликтов в новейшее время (48 против 13 % по стране). Во-вторых, более острое восприятие утраты стабильности, чувства безопасности (47 против 35 %), а также повышенное внимание к утрате Россией своего научно-технического потенциала и влияния в мире. В то же время наблюдается достаточно большой разрыв в пользу общероссийского опроса по таким позициям, как утрата уверенности в завтрашнем дне (43 против 6 % по области) и снижение уровня жизни большинства населения (35 против 16 %).

Таким образом, можно заключить, что жители Ростовской области солидарны с россиянами в оценке большинства наиболее значимых достижений реформ – и здесь проявляется прагматичный аспект общественного мнения, поскольку на передний план выходят такие осязаемые ценности, как свобода передвижения, широкие возможности личного потребления и возможности для заработка. Но, с другой стороны, в регионе более остро воспринимается проблема социальной справедливости и социального порядка. При этом резкое разделение общества по доходам оказывается более существенным последствием, нежели просто снижение уровня жизни населения. В дополнение к сказанному необходимо еще раз отметить высокий уровень социального дискомфорта, проявляющийся в высоком рейтинге такого показателя, как утрата чувства безопасности и стабильности на индивидуальном уровне.

Прошедшие двадцать лет стало принято делить как минимум на два этапа: 90-е гг. XX в. и первое десятилетие XXI в. Каждый из этих периодов приобрел и определенные ярлыки в СМИ и общественном мнении. Так, 90-е гг. с легкой руки журналистов принято называть «лихими», а 2000-е все чаще называют «нулевыми». И в том, и в другом названии есть доля и иронии, и может быть даже сарказма. Однако если сопоставить данные табл. 1 и 2, то можно увидеть, что по плотности широкомасштабных социальных событий, изменений 90-е гг. значительно превосходят 2000-е. Тем более интересен в данном контексте тот факт, что большинство событий последнего десятилетия XX в. оценивается гражданами России преимущественно негативно.

В целом же можно выделить три группы событий: 1) которые оцениваются в большей степени позитивно; 2) оценка по которым разделилась практически эквивалентно между позитивной и негативной; и 3) те, которые оцениваются преимущественно как негативные.

В первую группу для России в целом вошли такие события:

- 1) победа Б. Ельцина над ГКЧП;
- 2) принятие новой российской Конституции в 1993 г.;
- 3) уход Б. Ельцина в отставку до истечения срока его полномочий;
- 4) избрание В. Путина Президентом России.

Для Ростовской области этот список будет отличаться тем, что из него исключается победа Б. Ельцина над ГКЧП. В остальном рейтинги вариантов ответа достаточно похожи, за исключением пункта о Конституции. Как выяснилось, основной закон российского государства пользуется более значительной поддержкой в Ростовской области (56 против 46 % по России).

В общероссийском опросе абсолютными лидерами антирейтинга стали такие события:

- 1) дефолт 1998 г. (89 %);

- 2) проведение приватизации в 1992 – 1993 гг. (85 %);
- 3) избрание Б. Ельцина на второй срок (63 %);
- 4) война в Чечне в 1994 – 1996 гг. (58 %);
- 5) общий план либерализации экономических отношений (54 %).

Таблица 1

Отношение россиян к наиболее важным событиям 1990-х гг.

События	Данные по			
	России		Ростовской области	
	«+»	«-»	«+»	«-»
Победа Б. Ельцина над ГКЧП в августе 1991 г.	47	35	39	44
Запрет КПСС	39	38	42	41
Распад СССР в декабре 1991 г.	14	73	15	80
Резкая либерализация цен и переход к рыночной экономике 1991 – 1992 гг.	38	54	28	67
Проведение приватизации (передача в частную собственность) государственной собственности в 1992 – 1993 гг.	7	85	28	65
Разгон Верховного Совета России в 1993 г.	26	38	30	39
Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России	46	20	56	17
Первая чеченская война (1994 – 1996 гг.)	33	58	6	92
Избрание на второй срок Б. Ельцина в 1996 г. президентом России	25	63	20	70
Финансовый кризис (дефолт) в августе 1998 г.	3	89	2	95
Вторая чеченская война (1999 – 2001 гг.)	56	39	9	87
Уход Б. Ельцина в отставку до истечения срока его президентских полномочий в декабре 1999 г.	86	5	81	12
Избрание В. Путина в 2000 г. Президентом России	73	11	73	20

Безусловным лидером антирейтинга в Ростовской области также является дефолт 1998 г. (95 %). Специфика общественного мнения Ростовской области заключается в том, что здесь значительно более остро воспринимаются негативные последствия первой и второй чеченских войн. Негативную оценку первая война вызывает у 95 % опрошенных, вторая – у 87. Связано это, по-видимому, с близостью области к региону ведения боевых действий, а также с тем, что войска Северно-Кавказского

военного округа принимали активное участие в данных конфликтах. Кроме того, следует подчеркнуть резкое неприятие жителями области распада СССР (80 %), а также общего плана реализации реформ, связанного с приватизацией и рыночной либерализацией.

Таблица 2

Отношение россиян к наиболее важным событиям 2000 гг.

События	Данные по			
	России		Ростовской области	
	«+»	«-»	«+»	«-»
Ликвидация «ЮКОСа», арест Михаила Ходорковского	41	20	35	29
Закрытие старого телеканала НТВ, ужесточение контроля государства над телевидением	21	42	31	41
Контртеррористические операции в Москве и на Северном Кавказе	47	36	60	29
Монетизация льгот в 2005 г. (замена натуральных льгот денежными выплатами)	34	42	40	39
Избрание Президентом России Д. Медведева в 2008 г.	69	19	52	38
Война с Грузией в 2008 г.	23	71	34	60
Действия властей в условиях экономического кризиса 2008 – 2009 гг.	40	46	31	56
Определение Президентом России курса на модернизацию российского общества	60	18	61	22
Действия властей по преодолению техногенных и экологических катастроф (взрыв на Братской ГЭС, ликвидация лесных пожаров и т.п.)	58	31	54	37
Выигрыш Россией права на проведение Олимпиады 2014 г. в Сочи	71	20	57	31
Выигрыш Россией права на проведение Чемпионата мира по футболу в 2018 г.	66	19	59	28

Черда основополагающих событий 2000-х гг. воспринимается и россиянами, и жителями ростовского региона гораздо более позитивно. К событиям, вызывающим преимущественно негативную оценку, можно отнести лишь несколько. Во-первых, это война с Грузией (71 % россиян и 60 % жителей Ростовской области). Во-вторых, действия властей в период финансового кризиса 2008 г. (46 % по России и 56 % по области). Также к «черному списку» следует отнести монетизацию льгот и кампанию по закрытию старого телеканала НТВ.

Достаточно весомой поддержкой в обществе пользуется курс Президента Д. Медведева на модернизацию России. Поддерживает общественное мнение, особенно в Ростовской области, и проведение контртеррористических операций. Вполне ожидаемо находит одобрение в обществе стратегия властей на проведение в России крупных международных спортивных соревнований. Наибольшие различия в оценках между жителями региона и страной, на наш взгляд, проявляются в реакции на меры по монетизации льгот. Кроме того, в области несколько менее лояльно, исключая казачество, относятся к Д. Медведеву как главе государства.

В отношении социально-психологического состояния общества оба опроса также выявили значительные сходства в результатах по Ростовской области и России в целом. Так, жители Ростовской области практически единодушны с гражданами России по поводу общей оценки ситуации: большинство опрошенных (55 %) считают складывающуюся ситуацию проблемной и лишь чуть более 20 % – нормальной.

По распространенности негативных эмоций, на наш взгляд, Ростовская область несколько опережает среднероссийские показатели. Так, если по общероссийской выборке среди преобладающих негативных чувств можно выделить лишь чувство несправедливости происходящего вокруг, то в Ростовской области более распространены и чувство стыда за состояние дел в стране, и чувство страха перед разгулом преступности. Между тем значимость одних негативных чувств компенсируется незначительностью других. Результатом этого баланса является то, что и в Ростовской области, и по России в целом показатель внутренней агрессии находится примерно на одинаковом уровне – правда, достаточно высоком – 33 – 34 %.

Однако социально-психологическая напряженность, даже на таком достаточно высоком уровне, сопровождается в общественном сознании чувством невозможности изменить что-либо, апатии: около половины опрошенных фактически не испытывают желания изменить ситуацию к лучшему, в то же время большая часть опрошенных не может быть отнесена к оптимистам – лишь около 1/6 части населения верит, что в ближайшем будущем жизнь может измениться к лучшему.

Сохраняющиеся социально-экономические и статусные разрывы вряд ли дают повод для ожидания смягчения социально-классовой неприязни. И действительно, при ответе на вопрос «Как Вы относитесь к людям, которые разбогатели за последние годы?» происходит резкое увеличение респондентов, которые относятся к богатым «с подозрением и неприязнью»: от 8 % среди обеспеченных до 35 среди малообеспеченных.

Также резко снижается количество респондентов, которые относятся к богатым «не лучше и не хуже, чем ко всем остальным»: от 67 среди обеспеченных до 30 % среди малообеспеченных жителей Ростовской области. Это достаточно тревожный симптом, поскольку практически каж-

дый второй малообеспеченный (48 %) относится к богатым с подозрением, неприязнью, завистью или презрением, при том, что как мы помним, большая часть малообеспеченных стремится к богатству и высокому социальному положению. Такое двойственное ценностное отношение является свидетельством не столько лицемерия респондентов, сколько глубокого когнитивного ценностного диссонанса, характерного для постсоветской России.

Жители Ростовской области в целом не довольны социально-экономической ситуацией в стране, причем характеристика ее как напряженной и кризисной доминирует среди обеспеченных социальных слоев (64 %), среднего класса (49 %), базового слоя (63 %) и малообеспеченных (70 %).

В идейно-политической сфере жителей Ростовской области существуют следующие закономерности: в целом рост традиционализма и консерватизма и одновременное понижение либеральных и проевропейских установок по мере перехода респондентов из высокого социального слоя в более низкий. Если среди обеспеченных 17 % считают, что вдохновить людей и сплотить их во имя общих целей может «идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом», то в среднем классе и базовом социальном слое такая точка зрения получает поддержку уже 15 и 8 % соответственно. И, напротив, среди малообеспеченных слоев (30 %) гораздо большее распространение получают социалистические и коммунистические идеи, чем среди среднего класса (14 %).

Но это не означает, что национализм абсолютно чужд обеспеченным жителям Ростовской области: на важность «идеи единения России в целях ее возрождения как великой державы» указывают 25 % опрошенных, столько же полагают, что вдохновить и сплотить людей смогла бы «идея объединения всех славянских народов» (25 %). В других социальных слоях эти идеи получают гораздо меньшую общественную поддержку.

Все социальные слои Ростовской области убеждены, что стране нужна «твердая рука», которая наведет порядок, но обеспеченных респондентов все же несколько больше (42 %) среди сторонников точки зрения, что «политические свободы – это то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах», чем малообеспеченных опрошенных жителей (23 %).

Обеспеченные граждане более космополитичны: практически все из них (92 %) согласны с мнением, что «человек должен жить в той стране, где ему больше нравится». С противоположной точкой зрения («Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать») больше согласны представители других социальных слоев, причем этот «патриотичный» взгляд начинает доминировать уже в базовом социальном слое (51 %) и преобладает среди малообеспеченных (52 %).

Ценностный диссонанс между обеспеченными социальными слоями и малообеспеченными проявляется и при выборе респондентами меж-

ду дилеммой: «жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но все-таки интересно» и «все перемены к худшему, поэтому я хотел бы, чтобы мир вокруг меня оставался таким же, как я привык его видеть». Первая точка зрения доминирует среди обеспеченных граждан (75 %), вторая – среди занимающих низшие социальные позиции (59 %), что неудивительно, учитывая, как сильно этот социальный слой пострадал от реформ за последние двадцать лет.

Похожий разрыв во взглядах проявляется также по отношению к социальной помощи, которую может оказать государство. Если 75 % обеспеченных уверены, что смогут обеспечить себя и свою семью самостоятельно, и поэтому они не нуждаются в материальной помощи со стороны государства, то среди малообеспеченных 9 % уверены, что без материальной поддержки со стороны государства самому респонденту и его семье выжить будет очень сложно. Эти данные показывают, что социальная ответственность российского государства – это вопрос не столько выбора консервативной или либеральной экономической политики, сколько прямого экономического выживания значительной части общества.

Распад Советского Союза одним из своих последствий имел системный кризис идентичности в регионах России. Сконструированная на основе социальных реалий 60 – 80-х гг. XX в. наднациональная общность «советский народ» перестала существовать в политико-правовом, гражданском смысле, но как система базовых ценностей, стереотипов поведения инерционно, постепенно ослабевая, продолжала сохраняться и сохраняется ныне.

Кризис социальной идентичности в Ростовской области, как и в любом другом субъекте Российской Федерации, имеет определенные особенности. Ростовская область относилась и относится к регионам, в которых русские составляют традиционно большую долю в численности населения, чем в других краях и областях, – около 90 %. В то же время регион расположен на основных территориях бывшей области Всевеликого войска Донского, более двух веков здесь компактно проживают переселенные Екатериной II донские армяне и десятки других этнических групп, что придает ему этносоциальную специфику. Ростовская область к 90-м гг. XX в. была наиболее развитым социально-экономическим и культурным регионом Северо-Кавказского экономического района РСФСР, а Ростовна-Дону весь советский период был его формальным и неформальным центром, в котором размещались все управленческие структуры общесеверокавказского значения во всех сферах жизни (СКВО, СКЖД, СКНЦ ВШ, Ростовская ВПШ и др.). В связи с этим Ростовской области принадлежала ведущая роль в формировании и воспроизводстве советской идентичности в ее северокавказском макрорегиональном измерении.

Распад сложно структурированной, но целостной советской идентичности привел к конфликту идентичностей на Северном Кавказе и в определенной степени в Ростовской области. В многокомпонентной и динамичной социальной идентичности формирующаяся российская в 90-е гг. уступала этнической и «советской», об этом свидетельствуют проекты провозглашения казачьей республики, армянской автономии, сильные позиции на Дону левого электората.

С рубежа XX – XXI вв. ситуация меняется. Эксперты фиксируют на основе различных методик доминирующее положение в системе социальной идентичности на Юге России гражданской российской идентичности [3]. Наше исследование подтверждает данный вывод.

Гражданская идентичность значительно превосходит другие значимые идентичности и несколько сильнее, чем в среднем по России, – 76 против 72 %. Взаимодействие российской (гражданской) идентичности с этническими, на наш взгляд, в настоящее время (в отличие от 90-х гг. XX в.) в Ростовской области является не конкурирующим, а взаимодополняющим. Политико-правовая (гражданская) идентичность не поглощает этническую, которая воспринимается респондентами как важнейшая групповая характеристика – 46 % (а еще 36 % в некоторой степени), но и не противоречит ей по основным параметрам. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» – 42 % – скорее россиянами; 18 % – скорее человеком своей национальности; 25 % и тем, и другим в равной степени. Важно отметить, что при формировании гражданской идентичности у молодежи в последние годы происходит актуализация этнической идентичности.

Таким образом, тенденция формирования и укрепления российской идентичности в Ростовской области очевидна, однако при институционализации и конструировании российской политической нации нельзя недооценивать солидарную этносоциальную идентичность. Проведенные ЮРФИС РАН исследования проблем идентичности у донского казачества, армян, корейцев Юга России и других также подтверждают данную тенденцию [4]. При этом следует учитывать, что не только у обывателей, но и у политиков, экспертов и ученых нет четких и общепринятых представлений о таких понятиях, как «нация», «национальность», «этнос», «народ» и т.п.

Противоречиво обстоит вопрос с проблемой региональной и локальной идентичности. Идентификация с жителями Ростовской области или населенного пункта устойчива и в значительной степени близка – по 52 %, а в «некоторой степени» – еще примерно по 33 % участников опроса. Но, как отмечалось выше, Ростовская область, Ростов-на-Дону были центром сначала Северо-Кавказского экономического района, а с 2000 г. по настоящее время – Южного федерального округа (с 2000 по 2010 г. ЮФО включал в свой состав регионы Северного Кавказа). В результате в

последнее десятилетие успешно шел процесс (стихийный и конструируемый) формирования южнороссийской социокультурной идентичности как инвариант российской – важнейший ресурс укрепления гражданской идентичности и укрепления целостности Российской Федерации.

Создание Северо-Кавказского федерального округа в этом смысле не повлияло на региональную идентичность населения Ростовской области, но создало новую и во многом неблагоприятную административно-политическую ситуацию для идентификационных процессов на Северном Кавказе и межнациональных отношений, разделив СКФО и Юг России, Это оказало влияние и на статус этнических землячеств из республик СКФО на территории Ростовской области.

В большей конкретизации нуждается само понимание российской гражданской идентичности разными социальными группами россиян, что требует дополнительного исследования. Примечательно, что, в отличие от правящей элиты, полагающей, что Россия является частью западной цивилизации, лишь 21 % респондентов в значительной степени относят себя к европейцам, а 42 % жителей Ростовской области этой близости не ощущают (достаточно уверенно можно предположить, что с евроатлантическим миром себя соотносит еще меньшее число респондентов Ростовской области независимо от возрастных категорий). Жители Ростовской области демонстрируют высокий уровень патриотизма [5].

Позитивным является и то, что, по нашим данным, среди молодежи отрицающих ценности патриотизма насчитывается около 5 %, но одновременно растет число тех, кто разочаровывается в российском государстве, но верит в перспективы народов России, – до 20 %. Данные показатели фиксируют определенную отчужденность между государством и населением. Возможно, ее удастся частично преодолеть через механизмы и технологии Народного фронта.

Большинство жителей Ростовской области (61 %) выступает против упразднения республик как субъектов Российской Федерации, понимая неизбежность при этом обострения межнациональных отношений в стране. В то же время 39 % являются сторонниками упразднения республик. Выскажем предположение, что большинство ответивших подобным образом имеют в виду отдаленную перспективу административно-территориального переустройства России в сторону его унификации.

В Ростовской области ситуация в сфере межнациональных отношений достаточно благополучная, хотя, по мнению экспертов, латентная напряженность в последние годы возрастала. В декабре 2010 г. Ростов-на-Дону стал одним из центров мощных демонстраций молодежи под радикальными лозунгами, прошедших без эксцессов и направленных, прежде всего, против неэффективности и коррумпированности правоохранительных органов.

Абсолютное большинство респондентов считает, что государство должно поддерживать культуру и религии всех народов России (как русских, так и нерусских), – 80 %. При этом 62 % выступает за то, чтобы в первую очередь поддержку получала от государства культура и религия большинства населения страны (русских). Это кажущееся противоречие, на наш взгляд, свидетельствует о том, что современная национальная политика не обеспечивает социокультурную безопасность всех народов России, но если в республиках титульные народы имеют в той или иной степени механизмы поддержки этнокультур, то русские не чувствуют поддержки ни на региональном, ни на федеральном уровнях. Об этом же свидетельствует дискуссия в период подготовки и проведения Президиума Госсовета Российской Федерации 11 февраля 2011 г. в Уфе, на котором обсуждались вопросы межнационального и межконфессионального согласия, развития национальных культур, ответственным за подготовку которого был Губернатор Ростовской области В.Ю. Голубев.

Радикальные националисты в Ростовской области крайне малочисленны, но ответы респондентов на вопросы о межнациональных отношениях свидетельствуют о росте напряженности по сравнению с исследованиями 3 – 4-летней давности: 78 % испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям других национальностей, при этом 16 % – часто. Данные показатели выше, чем по стране в целом, по данным Института социологии РАН. 71 % респондентов связывают свою неприязнь с тем, что люди другой национальности хотят заявить себя хозяевами на ростовской земле, 59 % – с различиями в образе жизни и поведении и лишь 17 % – с конкуренцией за престижную работу. В известной степени это указывает на недостаточную эффективность региональной политики по взаимной адаптации различных этнических групп.

Неожиданно большой процент респондентов (80 %) считает, что в их населенном пункте бывают столкновения на почве национальной неприязни, из них 22 % указывают, что такие инциденты бывают часто. В такой оценке сказываются результаты работы СМИ, склонных этнизировать любые формы конфликтов, создавать соответствующий информационный фон. Уточняющие вопросы свидетельствуют о том, что, как правило, респонденты слышали о подобных конфликтах, но ни они, ни их окружение не являлись участниками или свидетелями конфликтов на межнациональной почве.

Мировые тренды в обострении межнациональных отношений, мигрантофобии проявляются и в Ростовской области. Хотя 44 % респондентов против выселения представителей каких-либо национальностей из своего населенного пункта относительно много, 36 % в той или иной степени одобрили бы подобное решение. Достаточно много респондентов (20 %) затруднились с ответом. В то же время 91 % респондентов отрицают наси-

лие в межнациональных и межрегиональных спорах, но 41 % допускают его, если справедливость будет нарушена в отношении его народа или веры, столько же (41 %) считает, что все средства хороши для защиты интересов своего народа.

Мировой и российский опыт последних десятилетий показывает, что процесс глобализации не подрывает основы существования этносов в современном мире, а создает условия для новых форм бытия и проявления этнического фактора во всех сферах человеческой жизни. Укрепляющаяся российская идентичность должна конструироваться не только в форме российской (политической) нации, но и включать в себя исторически сложившиеся в России этнические, конфессиональные и другие социокультурные идентичности, вполне способные конструктивно взаимодействовать друг с другом в эффективном и социально справедливом государстве.

Другим проявлением системного кризиса постсоветского общества стали сдвиги в морально-нравственной сфере. Массированное третиrowание в 90-е гг. XX в. морально-нравственных установок советского общества («совковости», «закомплексованности» и т.п.), низкая религиозная культура, в том числе в морально-нравственной сфере, привели к вытеснению морали из политической, экономической, социокультурной, бытовой и других сфер. Мораль перестала восприниматься как современный социальный регулятор, а закон правящей элитой и даже законодателями фактически не считается обязательным, если казался в конкретной ситуации нецелесообразным, невыгодным.

Первое десятилетие XXI в., связанное с попытками стабилизировать ситуацию и перейти к поступательному развитию, актуализировало, особенно в провинции, морально-нравственные императивы. Неслучайно 41 % респондентов в Ростовской области (32 % по России) назвали падение морали среди самых больших потерь, которые понесли россияне в результате реформ. По рейтингу потерь мораль на втором месте после снижения уровня жизни (53 %). Население, по крайней мере, осознает значение негативных процессов в сфере морали для развития общества и не бравитурет аморализмом и свободой в пороке, как это было в 90-е гг. В то же время по отношению к себе моральные потери видятся серьезными только для четверти респондентов, что по рейтингу потерь уступает утрате чувства стабильности, безопасности – 47 %, уверенности в завтрашнем дне – 48 %, снижению уровня жизни – 28 %, т.е. 4-е место. На наш взгляд, это свидетельствует не в пользу более мягкой интерпретации моральной ситуации в ростовском региональном социуме, а о приоритетах личности в восприятии вызовов безопасности на Юге России и меньшей критичности самооценки личности.

Очевидно, что в последнее десятилетие произошла определенная реконструкция и актуализация традиционных для российского общества

морально-нравственных ценностей и неприязни стандартов поведения общества потребления, транслируемых и легитимизируемых через центральные СМИ либеральными идеологами и другими властителями дум. В сфере морали в Ростовской области консервативный подход во всяком случае на уровне долженствования абсолютно преобладает над либеральной свободой в сфере морали как личном выборе. Правда, нельзя однозначно утверждать, что на практике респонденты жестко придерживаются моральных требований, так как в современном российском обществе это выступает одним из основных барьеров карьерного роста.

На это указывает и раскол общества почти на равные альтернативные группы с некоторым преобладанием сторонников соблюдения моральных принципов, даже ценой отказа от жизненного успеха – 52 % (48 % допускают возможность переступить через моральные принципы и нормы).

Несмотря на рекламу и правоприменительную практику, у ростовчан сохраняется относительно толерантное отношение к уклонению от налогов: 22 % не осуждает подобную практику, а 60 % являются противником этого. Еще меньше тех, кто выступает против использования обмана для достижения своих целей – 50 % или дачи взятки – 44 %. В известной степени это отражает особенности реального функционирования социально-экономических механизмов и неформальных коммуникаций в регионе. Меньше всего противников оказалось у употребления крепких спиртных напитков – 22 %, а также у курения – 36 %, как привычных черт российской жизни.

За годы реформ кардинально изменилась социальная структура Ростовской области. Формирование информационного общества приводит к принципиально новым технологиям социальных коммуникаций. Мобильные телефоны имеют 95 % респондентов, пользуются Интернетом – 73 %, что является технической и технологической базой новой виртуальной социальной реальности, сложно коррелируемой с действительностью. Данные процессы сказались на структуре досуговой деятельности и ее видах. Доминирующими формами досуга остаются просмотры телепрограмм (65 %), домашние занятия (61 %), чтение книг (61 %), встречи с друзьями (53 %) и просто отдых (52 %). Свободное время жителями области используется в большей степени для потребления зрелищных услуг, общения и в меньшей степени для реализации собственных креативных возможностей, развития культуры, активных форм досуга.

Заметной тенденцией является сокращение таких видов досуга, как чтение книг (61 %), чтение газет и журналов – 45 %, посещение театров и концертов – 26 %, музеев и выставок – 12 %, что определяется как недостатком свободного времени и материального достатка, так и объективной виртуализацией социальной жизни, в том числе досуговой деятельности. Формализованное, а часто имитационное, функционирование институтов

гражданского общества делает непривлекательным использование свободного времени для реализации своих гражданских прав. Всего 2 % респондентов (хотя это и выше, чем в среднем по России, – 1 %) посещает митинги и собрания политических организаций, а 13 % – религиозные собрания, церкви и молельные дома.

Социальному самочувствию ростовчан не достает оптимизма. 71 % полагает, что Россия в экономическом отношении все сильнее отстает от ведущих мировых держав, а 57 % – что путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик. На такую позицию оказывают влияние последствия экономического кризиса, участвовавшие технологические катастрофы, отсутствие консенсуса в обществе по стратегии развития России, терроризм и высокая степень нестабильности на близком Северном Кавказе. Основные угрозы и проблемы России респонденты связывают с внутренними процессами в стране – 68 %, менее трети (32 %) склонны винить в этом внешние силы. Абсолютное большинство (75 %) отмечает низкую общественно-политическую активность граждан. В обществе нет консенсуса по методам дальнейшего развития: 59 % – сторонники стабильности и эволюционных реформ, а 41 % кардинальных реформ социально-экономической и политической систем.

Перспектива развития России на ближайшие годы оценивается сдержанно. Лишь 20 % полагает, что страна будет развиваться успешно, 43 % предвидят трудные времена, а 37 % считает, что все останется по-прежнему. В ближайшие 5 – 10 лет лишь 9 % допускает возможность догнать ведущие экономические страны мира, а 11 % – превращение России в демократически развитое государство. Больше оптимистов на длительную перспективу (10 – 20 лет) – соответственно 51 и 31 %. Тем не менее доля тех, кто считает, что это вообще невозможно, очень велика, в экономике – 35 %, а в процессе построения развитого демократического общества – 46 %. Исследование показывает, что во мнении населения успехи России и перспективы развития демократического общества выглядят скромнее, чем экономические.

В заключение можно сказать, что, в отличие от жителей столицы, в Ростовской области население оказалось более расколото по отношению к реформам Ельцина – Гайдара и распаду СССР, противники, хотя и пассивные, преобладали, поэтому Ростовская область долгое время входила в «красный пояс» электоральных предпочтений. В настоящее время положительно оценивают начало радикальных реформ около 34 %, что соответствует общероссийским настроениям, а противники – 43 % при неопределившихся – 23 %. По существу, такое распределение ответов характерно для всего двадцатилетия.

Целью реформ, по мнению респондентов, был прежде всего захват власти и перераспределение собственности – 79 %, спасительный характер реформ признает около 21 %. Среди основных личных приобретений по-

следних лет респонденты выделяют насыщение рынка товарами – 42 %, свободу выезда за рубеж – 35, свободу зарабатывать без ограничений – 34 и свободу слова – 23 %. Среди достижений, важных для общества в целом, особо отмечается прекращение гонений за веру – 30 %.

Среди потерь отмечается снижение уровня жизни большинства населения – 53 %, падение морали – 41 %, отсутствие социального порядка и коррупция – 35 %. В оценке 90-х гг. абсолютно доминируют негативные оценки по всем показателям (от 60 до 80 %), исключая ситуацию в области прав и свобод, которую позитивно оценили 40 %.

Абсолютное большинство респондентов является сторонниками демократических институтов и процедур как условий существования современного российского общества, но при этом критически настроены к существующим демократическим структурам в России. 77 % не считает Россию развитым демократическим государством.

Среди основных событий, вызывающих наибольшую тревогу, респонденты, как и в других регионах России, выделяют кризис ЖКХ – 65 %, низкий уровень жизни населения – 54 %, сокращение доступа к бесплатному образованию – 50 %, коррупцию, засилье бюрократии – 39 %. В целом они переживают несколько острее, чем в других российских регионах, что сказывается на более тревожном социально-психологическом состоянии местного сообщества.

Жители Ростовской области являются сторонниками сильного социального государства, остающегося в стратегических отраслях, но не мешающего развитию предпринимательства. Об этом же свидетельствует рост традиционных и умеренно социалистических взглядов. Респонденты ориентированы на реконструкцию традиционной морально-нравственной среды как условия укрепления России. Отрицают западно-либеральный подход как свободу выбора в этой сфере. В частности, выступая за свободу СМИ, 64 % респондентов считают, что она должна ограничиваться нормами морали.

В Ростовской области достигнут высокий уровень региональной интеграции, формирования российской гражданской идентичности, органично включающей в себя социокультурные компоненты этнической и субэтнической идентичностей при доминировании русской. Идея единения народов России доминирует среди идей, направленных на укрепление России, – 54 %. В основе его лежат популярные в области, в том числе у молодежи, идеи патриотизма.

Жители области достаточно мобильны, но не стремятся покинуть Ростовскую область навсегда, в том числе для переезда за рубеж. При этом существуют серьезные различия в позициях депрессивных и развивающихся субрегионов Ростовской области. К большинству стран жители области испытывают симпатию, в том числе к западным странам (одно-

временно полагая, что их ценности не подходят России), исключая США (50 %), а также Ирак (43 %), Грузию (64 %) и Польшу (36 %).

Динамика ухудшения основных социально-экономических показателей, ослабление статуса регионального лидера на Юге России определяет, как и близость нестабильного Северного Кавказа, большую степень негативности оценок респондентов. Этим же объясняется и пессимизм на ближайшую перспективу. В ближайшие 5 – 10 лет, по мнению большинства респондентов, нет перспектив превращения России в ведущее экономическое или развитое демократическое государство. 43 % считает, что страну ждут трудные времена.

Однако на стратегическую перспективу в 10 – 20 лет смотрят оптимистично – 51 % – на экономику и 39 % – на демократические процессы. В то же время процент тотальных скептиков велик: 35 % – в экономике, 46 % – в политической сфере считает, что Россия не станет развитой страной. Тем не менее рост числа сторонников системной модернизации России среди молодежи усиливает социальный оптимизм в отношении перспектив как в Ростовской области, так и Российской Федерации.

Примечания

1. *Шевелев В.Н.* Россия: от модернизации к трансформации. Ростов н/Д: изд-во ЮФУ, 2009.

2. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад / Под рук. М.К. Горшкова. М: ИС РАН, 2011.

3. *Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В.* Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М.: Альфа-М, 2010; Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / Под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.: Российское философское общество; Майкоп: Магарин О.Г., 2011; Вектор идентичности на постсоветском пространстве: материалы Международного «круглого стола». Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2007.

4. *Барков Ф.А., Мирзоян Г.В., Нагапетян А.Р., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В.* Армяне Юга России: опыт социологического исследования / Отв. редактор Волков Ю.Г. Ростов н/Д; М.: Социально-гуманитарные знания, 2011; *Барков Ф.А., Водолацкий В.П., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В., Черных Е.Ю.* Казачество как этносоциальный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона). Ростов н/Д: Антей, 2011.

5. *Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В.* Патриотическое воспитание молодежи в Ростовской области (материалы исследования). Ростов н/Д: ЮРФИС РАН, 2010.